

“И пришли на свет костра...”

Это было время профессионалов. Время, когда эсэсэ-ровская действительность ещё судорожно цеплялась за советскость, а на двор державы медленно, но уверенно вползал рынок. Со всеми его свободами, открытостью, бесшабашностью и нуворишностью. Подходили к концу 80-е, за порогом которых уже маячила лихая тень неизведанности и неизвестности. Но людское море ещё не колыхало бунты и митинги; ещё по-прежнему добровольно-лился народ, идя на безальтернативные выборы, где приманками зачастую служили дефицитные товары; ещё провозглашались лозунги пятилеток; работали законы и читались газеты, печатному слову которых люди искренне и безоговорочно верили. Была у того печатного слова сегодня практически во многом утраченная особая сила: воздействовать на бюрократию, безобразия, безответственность.

- Держи блокнот, - торжественно вручил мне Валентин Игнатьевич пузатенький томик, разлинованный в клеточку. - Это твой главный документ. Записываешь ли, о чем беседовали, фиксируешь ли свои впечатления - листы не вырывай. Закончится - сохрани. Видишь, у меня на полке целая “библиотека”?

Я обернулась назад и увидела за стеклом “стенки” шеренгу разноцветных корешков.

- А зачем? - поинтересовалась робко.

- Затем, что бывают всякие споры и случаи, - ответил Валентин Игнатьевич. - Иногда даже суды могут возникнуть за неверное изложение или искажение.

То был мой первый урок в стенах редакции газеты тогда ещё “Ленского коммуниста”. Меня, девочку с улицы, сначала публиковали как начинающего автора стихов. Потом пригласили в поэтический клуб “Причал”. А немногим позже редактор тогда ещё городской газеты Валентин Игнатьевич Зуев придумал, как меня пристроить в штат и “посадил на телетайп”. Сейчас смешно вспоминать, как ежедневно в восемь

утра я должна была принимать ленты из Москвы и Иркутска для размещения полезной информации на страницах нашей газеты. Ещё бы! Не было тогда ни интернетов, ни даже факсов - был великий и могучий телетайп, доносивший до нас голоса столыцы.

Валентин Игнатьевич Зуев был человеком необыкновенным. Сам-филолог по образованию, он настолько ревностно относился к языковой среде, что мог буквально воспламениться, когда встречал “непотребство” в наших текстах. Работа над ними была кропотливой и, если откровенно, то “чистых оригиналов” авторских текстов не было и быть просто не могло, ибо над любой заметкой трудился весь коллектив: и машинистка, набирающая тексты на пишущей машинке, и заведующие отделами, и (страшное дело!) гроза нас, оболтусов, - ответственный секретарь Владимир Владимирович Тихомиров. Естественно, что после всех этих адовых кругов текст проходил перед глазами корректоров, замредактора Александра Сергеевича Попова и... главного оценщика нашего творчества - самого

редактора Валентина Игнатьевича Зуева.

Тогда “Ленские вести” выходили четыре раза в неделю. На каждой летучке нового понедельника устраивался “разбор полётов”, потому что даже при такой муштре, “блохи” в тексты всё равно просачивались. Виновным же доставались серьёзные взбучки - от редактора иногда выходили со слезами.

Помню одну из выволочек, которую устроил мне Владимир Владимирович Тихомиров. Заметку, которую я написала, честно сознаюсь, абы как, он без сожаления так изукрасил своей коварной красной пастой, что мне пришлось даже порыдать в туалете и надумать себе увольнение “по собственному”. Литсотрудник Оля Машукова и фотокор Олег Иванов тогда успокоили. Удивительные это были молодые люди: трудолюбивые, добрые, отзывчивые, готовые всегда прийти на помощь. Вся редакция любовалась их нежной дружбой, позже переросшей, к нашему великому удовлетворению, в союз двух сердец.

Таким уж оно было - время профессионалов.

Конечно, не у всех сотрудников образование было профильным - в штате работали не только филологи и журналисты. Но отношение к слову, к работе, к званию газетчика было чрезвычайно серьёзным. Как со стороны самих пишущих, так и со стороны читателей и руководителей всевозможных рангов и мастей. Печатное слово воспринималось остро, его эффективность была велика, по критическим сигналам и выступлениям давались обстоятельные ответы из самых высоких кабинетов, а виновные наказывались, о чём гласили постоянные рубрики “По следам наших выступлений” и “Газета выступила. Что сделано?”. Редактор же газеты назначался и утверждался не где-то и как-то, а на сессии самого совета народных депутатов.

Много уроков дала мне моя родная редакция и, скажу честно, лучшего творческого коллектива потом я так и не встретила. Создавала, правда, свои редакции и выпускала собственные газеты, но... не мне же оценивать себя самое. Главное, что тем, кто впоследствии трудился рядом со мной, я нередко перепредавала уроки, полученные в “Ленских вестях”.

- Запомни: любое сообщение должно начинаться так, чтобы зацепив его глазом, читатель, уже не отрываясь, впилал весь текст, - нередко повторял Владимир Владимирович.

- Имя и отчество или инициалы упоминаемого человека всегда должны стоять перед фамилией - это неписаное правило журналистики, - вбивал мне в голову Александр Сергеевич.

- Всегда держи 30 процентов фактологий про запас, не вываливай на читателя груды информации в одном флаконе! - поучал Валентин Игнатьевич.

- Тщательно вычитывай материалы сама и давай вычитывать героям своих публикаций, даже если материал содержит критику или негатив против них, - этот урок не раз пригождался мне в будущем, поддерживая у окружающих мнение обо мне как о журналисте не жёлтой масти.

Это было время профессионалов-бессребренников.

Ни о каких взятках, подкупах журналистов или (чего доброго!) случаях выкупа тиражей или заказных статьях речи тогда и быть не могло. Нигде и никогда. Сотрудники газеты всегда считались бойцами идеологического фронта, и должны были не только быть чистыми перед совестью и законом, но и подавать пример согражданам своим поведением, своей скромностью. Валентин Игнатьевич был в этом отношении весьма скрупулёзным и щепетильным.

Его отношения “с властью” складывались на паритетных началах. Не припомню случая, когда бы мы получали какие-то “левые” подтоварки или пользовались особыми льготами - также, как и все, стояли в очередях, так же ездили на общественном транспорте. Зато мы, как это не покажется сегодня в период вседозволенной гласности странным, чувствовали себя независимыми - ведь критике со стороны газеты мог подвергнуться любой руководитель любого ранга. Реакция же на критику была всегда адекватной и со стороны мэра города Николая Ивановича Палённого, и со стороны председателя Усть-Кутского городского совета народных депутатов Владимира Петровича Сенина. Лояльным по отношению к газете всегда оставался и Сергей Александрович Чусов, не упомянуть которого я не могу, поскольку нередко получала и от него, и от Владимира Петровича Сенина “политические наставления”, не раз пригодившиеся мне позже в работе с парламентариями Законодательного Собрания Иркутской области. Творческие отношения были у газеты и с партийным руководством города, возглавляла которое Светлана Тимофеевна Грабарь - принципиальная, прямолинейная, один из самых “плодовитых” нештатных корреспондентов газеты.

Это было время профессионалов-подвижников.

Редакция условно делилась на “старших” и “молодежь”. К молодежи относили литсотрудника Олю Машукову, фотокора Олега Иванова, “начинающую” меня и ещё нескольких сотрудников. Я, как и некоторые другие, получила высшее журналистское образование уже в лоне редакции. И, надо сказать, что коллектив не только помогал мне в заочной учебе, но и переживал, как там у меня успехи на сессиях.

Александр Сергеевич Попов на совершенно добровольной основе вёл созданный “старшим” поколением литературный клуб “Причал”. Работал с огоньком и всегда радовался новым открытиям, когда находил в горах читательских писем (тогда их действительно была гора) стихи самобытных поэтов. Что это было за время! Занятия в клубе приносили не только удовольствие, но и окунали нас в сложную науку стихотворчества. И хоть обижались мы тайне на нашего “куратора”, безжалостно правившего наши опусы, но его редакторская работа не пропала даром - те, кто хотел, постигали азы версификации, крепили, как писатели. Среди таких учеников Попова - и сегодняшний президент “Причала” Сергей Жёлтиков, стихами которого зачитывался тогда весь Усть-Кут.

Богатым опытом делился с нами Евгений Сергеевич Акимов. Помню его, ходящего с кружкой чая по кабинету - улыбчивого, спокойного, выдержанного и чрезвычайно добродушного.

- А у меня творческий простой, - любил шутить он, когда писанина не шла, вот хоть убей.

Его и Владимира Петровича Чемоданова связывали годы совместной работы еще до БАМа. Позже вдвоем они создали муниципальную телестудию “Диалог”, куда переманили и меня.

- Ты предала газету, - разочарованно сказал мне тогда Валентин Игнатьевич. - Ты потом поймешь, что газетчик - это высшая журналистская квалификация. На радио и телевидении что? Сказал - и слово улетело, а в газете оно остаётся на долгие годы. Потому и отношение к нему другое, более ответственное.

Была такая ревнивая нотка. Пробежала тогда между нами искорка обиды. Но я очень благодарна Евгению Сергеевичу и Владимиру Петровичу за ту, диалоговскую школу. Слово не улетело. Оно запало в душу, легло в копилку опыта. И сейчас, когда я оглядываюсь назад, благодарю судьбу за то, что она свела меня с такими учителями, с такими неординарными личностями. Благодаря им я не бросила профессию и, уехав из Усть-Кута, ещё много лет варила в самой гуще журналистского сообщества. Если бы не печальные обстоятельства, вызванные здоровьем (вернее, его некоторым отсутствием), то так и бегала бы сегодня с диктофоном или камерой. Но мы предполагаем, как говорится, а Господь располагает... Уроки юности не прошли даром, дав мне возможность по-прежнему оставаться в строю и даже добиваться некоторых успехов. Теперь уже - на писательской ниве.

Благодаря моей первой редакции - коллективу “Ленских вестей”, а также руководителям, с которыми довелось работать, усть-кутским политикам и читателям газеты я научилась кропотливо трудиться над текстами, благодарно принимать конструктивную критику, не опускать рук, свято верить в то, что “слово наше отзовется”. И писать о том, что (хочется верить) будет востребовано не только моими современниками, но и будущими любителями печатного слова.

Сегодня, нередко вспоминая Усть-Кут и свою бамовскую эпопею длиной в 13 лет, я часто обращаюсь к великолепной песне на текст Николая Добронравова, где фразу “братья по огню” заменяю на “БРАТЯ ПО ПЕРУ”:

*“Словно в песне,
у Магнитной горы
Снова вспыхнули былые костры...
И пришли на свет костра
Молодые мастера
Из далёкой довоенной поры.
В сердце я навеки сохраню
Искреннюю преданность вам -
Братья по судьбе,
БРАТЯ ПО ПЕРУ,
Братья по горячим делам...”*

**Инна МОЛЧАНОВА,
член Российского Союза
писателей, член Союза
журналистов России, лауреат
Международной Премии
имени Николая Рериха,
автор пяти литературно-
публицистических сборников**